Хромоногий скрипач

Знаете ли вы хромоного Гришку, удальца-скрипача, молодца на все руки? Не знаете, жаль — значит, вы не знаете, как и отчего он хром сделался; неужели и этого не знаете?.. а, кажется, про это все наши ребята знают, да чуть ли и не целый свет. Ну, так я расскажу вам; вы только слушайте, да не поперечте.

Гриша хромоногий не был хромоногим, как о том молва говорит: был он беден, так беден, что и сказать нельзя, а любил чёртов сын музыку. То есть так любил, как мать родную: гармонийка ли где заиграет или скрипка запищит, наш Гришка просто ненашенским делается, а каким-то чертовским человеком, беснуется, подсвистывает, пляшет, точно чёрт его калёным гвоздём в бок тычет. В то время, когда пляшет он, не попадайся ничего под ногу: кадушка ли какая, скамейка ли попадёт под его ножищу, так ту вещь и поминай как звали; расколотит, разобьёт и обломки за окно побросает. А спал и видел Гришка выучиться играть на скрипке. Целое лето проработал он у Химки, лысого скрипача, даром, просто даром. Ну, посудите же сами, люди добрые, за скрипку лето проработать не есть ли это даром?

Вот скрипка в руках у Гришки; пилит он на ней, окаянный, день и ночь, просто такие колена выделывает, что волос дыбом становится; но как не играл Гришка, а всё нет толку — не может выучиться играть да и баста, — хоть топись от досады.

Вот Гришка и пошёл к реке, — только вы, добрые люди, не подумайте, что топиться, — нет, он пошёл на бережок реки, сел да и заплакал, смотря на свою скрипку, которую держал в руках, плакал, плакал он от досады, что не мог играть выучиться, да потом как хватит скрипку о камень; только и видел её — вся в мелкие кусочки разлетелась, даже и на память не осталось ни кусочка; махнул Гришка рукою, плюнул да, кажись, обругался два раза, да и хотел идти домой. Вдруг пырь ему в глаза старик, — просто старичишка, такой мозгляк, что глядя на него так плюнуть и хочется, идёт, в правой руке скрипку держит, а в левой смычок, идёт да подплясывает; подошёл он к Гришке, да и говорит ему:

— Что ты, Гришка, скучаешь?

— Да научиться не мог играть на скрипке, — отвечал Гришка.

— Да у тебя, — говорит старик, — скрипка-то не такого сложения была, вот моя — другое дело, — и старик заиграл, да так заиграл, что Гришка разинул рот, выпучил глаза и побледнел, и покраснел в одно время, и не знал, что делать от радости. Кончил старик игру, а Гришка всё ещё слушает; у него в ушах всё ещё раздаётся чудная игра скрипки-волшебницы; наконец Гришка опомнился.

— Дедушка! — вскричал он, — отец родной, продай скрипку, что хошь возьми, пять лет стану работать тебе за твою скрипку, только продай!

— Слушай Гришка! — сказал старик, — скрипка будет твоя и ты на ней выучишься сразу играть, только я отдам тебе тогда скрипку, когда ты ударишь меня коленкой в зад один раз.

— Хоть десять, сколько велишь, отец родной, — говорит Гришка.

Старик стал на четвереньки, а Гришка, чтобы угодить деду, разбежался, да как хватит его в зад коленкою, так, что сам Гришка не взвидел ни земли, ни неба и повалился на землю. Старика не было, как никогда не бывало; только по лесу слышен был хохот и грохот, а на месте старика стоял обгорелый пень, около которого лежал Гришка с раздробленною ногою и у него в руках была чудовищная скрипка.

Русские простонародные легенды, 1861.